

Любич Ефим Николаевич

**Пестрядь. Рассказы и
наброски**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е91

Е91 **Ефим Николаевич Л.**
Пестрядь. Рассказы и наброски / Любич Ефим Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 127 с.

ISBN 978-5-519-94349-9

ISBN 978-5-519-94349-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

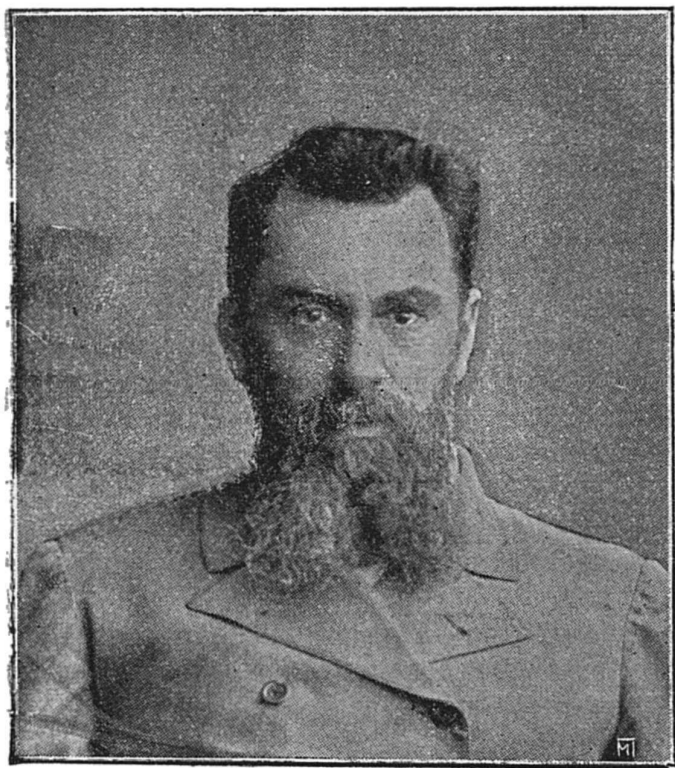
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Augustus Christopher G. H. H.

МАТРЕНА.

(Разсказъ).

I.

Михаилъ Шустовъ, каменщикъ, полгода назадъ схоронившій жену, былъ еще молодъ. Первое время онъ грустилъ, и когда маленькая дочка Лиза, не понимавшая, куда ушла ее мать, спрашивала его: когда же возвратится мама? — на глазахъ у него наворачивались слезы, а его тяжелая рука ласково ложилась на голову Лизки и тихонько гладила ее черные густые волосы.

— Эхъ, дочка, дочка! — вздыхалъ онъ: — нѣтъ у насъ съ тобой матери; не захотѣла она жить съ нами... ушла...

— А куда же она ушла? — радостно лепеталъ ребенокъ, разнѣженный отцовской лаской.

— Далеко, дочка, далеко, — къ самому Господу Богу.

— Къ Богу? — недоумѣвалъ ребенокъ.

— Къ Богу, дочка, къ Богу...

Шустовъ любилъ покойницу, или, какъ говорятъ, «жалѣлъ». Подъ пьяную руку поколачивалъ, ругалъ скверными словами, но на другой день, увидѣвши слѣды побоевъ, чувствовалъ себя нехорошо и потому смотрѣлъ въ уголъ, вздыхалъ, скребъ затылокъ и, наконецъ, виновато окликалъ жену:

— Марья, ты... тово... прости меня, ради Христа..

Марья поворачивала къ нему обезображенное опухолью и синяками лицо и истерически вскрикивала:

— Прости?! Теперь—прости?! А за что ты меня вчера, а? Нажрался, какъ свинья, присталъ ни съ того, ни съ сего—и давай... Ребенка испугалъ, посуду разбилъ. У, образина пьяная...

— Ахъ ты, Господи!—стоналъ, морща лицо, Шустовъ.

— О! теперь ты святой: „Господи!... Прости ради Христа!...—А вчера ругался на весь дворъ. Совѣсти у тебя нѣтъ... Только ребенка жалъ, а то плюнула-бы я тебѣ въ самую харю твою пьяную и ушла бы служить. Найду кусокъ хлѣба и безъ тебя... Счастье поймала!.. Подумаешь! Меня, братъ, всюду жалѣютъ, гдѣ ни работаю...

Марья, съ наслажденіемъ и даже какъ будто развеселясь, начинала перечислять свои достоинства. Михайла молчалъ, ибо Марья, хваля себя, говорила правду: работала она хорошо, и знакомые охотно давали ей работу.

— Семь гривенъ и харчъ всегда найду и котор-ги терпѣть не буду!—кричала, воодушевляясь, Марья. А то—работай, работай, а какая благодарность?! Изъ синяковъ не выхожу... Подумаешь—большое счастье!...

— Да брось, Марья!—говорилъ Михайла,—поднимался съ мѣста и, подойдя къ женѣ, нерѣшительно и неловко обнималъ ее. Та не отталкивала, но кричала голосомъ, въ которомъ слышалось, однако, примиреніе:

— Уйди, дьяволъ! Водкой, какъ отъ чорта, разить...

— Ну, Марья...

— Уйди!... Ммм... Отстань, тебѣ говорятъ! Ммм... Тьфу, еще цѣловаться лѣзетъ, безстыжая харя!...

— Марьюшка, вѣдь я тебя люблю!—весело вскрикивалъ Михайла и молодцомъ отскакивалъ прочь.

— А чтобы тебя такъ черти любили!...

Обыкновенно послѣ такой идилліи Марья набрасывала на голову платокъ и, пряча лицо отъ взглядовъ любопытныхъ сосѣдей, бѣжала за косушкой къ обѣду.

Выпивали вдвоемъ: Михайла рюмки двѣ-три, Марья—одну. У рѣдко пившей Марьи румянилось лицо, разгорались глаза, и тогда, несмотря на синяки, она казалась Михайлѣ той далекой, неизвѣстной Марьей, которая такъ сильно полюбилась ему.

— Большая я былъ скотина, Марья! Но теперь —баста! говорилъ Михайла во время обѣда.

— Увидимъ!—насмѣшливо произносила Марья: —знаешь пословицу: «зарекалась свинья...»

— Ну, Марья, за обѣдомъ и такія слова!...

— Такія слова! Смотри ты! А ты вчера какія говорилъ?... Тѣ—лучше?...

Часто такъ ссорились и мирились они, и такъ текла ихъ трудовая жизнь, заполненная заботой о завтрашнемъ днѣ. Въ общемъ же они жалѣли другъ друга и вмѣстѣ жалѣли маленькую Лизку.

Лизка ходила замарашкой,—это правда, но мать каждую субботу мыла ея кудластую голову горячею водою, вычесывала частымъ гребнемъ и вплетала въ тугую косу кусочекъ яркой ленты.

Лизку рѣдко обижали, всегда досыта кормили и даже по временамъ ласкали—и она была довольна своей судьбой...

Но однажды Марья вернулась съ работы рано и прилегла на кровать.

Михайла, когда увидалъ жену лежащею, естревожился: никогда этого раньше не было.

— Что съ тобой, Марья?—спросилъ онъ, присѣвъ къ ней на край кровати.

— Нехорошо мнѣ что-то: знобило, теперь жаръ... Лизку не забудь накормить; я чуть домой дошла... не кормила...

— Эхъ!... Ладно, ладно,—лежи себѣ!...

Никогда не думалъ Михайла, что это будетъ у него послѣдній разговоръ съ женой. А случилось именно такъ. Ночью Марья бредила, къ утру впала въ безпамятство, а черезъ недѣлю она, въ бѣломъ платьѣ, лежала на столѣ...

Теперь только Михайла понялъ, какого вѣрнаго товарища жизни онъ потерялъ въ Марьѣ. Припомнились ему всѣ ссоры, драки, вся жизнь совмѣстная,—и такъ у него тоскливо на сердцѣ сдѣлалось, что, кажись, встань сейчасъ Марья со стола, упалъ-бы онъ передъ нею на колѣни, обнялъ бы ея ноги и такъ просилъ бы у нея прощенія...

Снесли Марью на кладбище.

Вернулся Михайла съ Лизкой домой; холодно, мрачно, квартира погребомъ кажется. А тутъ еще Лизка—возьми да и спроси: «а мама теперь скоро придетъ?»—какъ маленькій, повалился Михайла на постель, уткнулся лицомъ въ подушку и давай рыдать... А потомъ, нарыдавшись, заснулъ, потому что не спалъ двое сутокъ...

Проснулся, смотреть—темно, ночь на дворѣ. Зажегъ лампу и увидѣлъ, что Лизка на голомъ полу калачикомъ свернулась и заснула...

— Марья, Марья!—воскликнулъ онъ въ отчаяніи:—ты что-же это надѣлала?!...

Но—«друга лучшій другъ забудетъ»—печаль Михайлы становилась день за днемъ все тише, тише, образъ Марьи, стоявшій раньше передъ глазами, какъ живой, все таялъ, таялъ,—и наступилъ, наконецъ, день, когда Михайла подумалъ:

— Нѣтъ, такъ нельзя: жениться надо...

II.

Былъ одинъ трактирчикъ, куда Михайла послѣ работы заходилъ выпить рюмку водки и покалякать

съ товарищами. Публика, посѣщавшая этотъ трактиръ, была все больше трудящаяся: каменщики, плотники, столяры, бабы, торгующія въ разность зеленью. Хозяинъ трактира старался заманить посѣтителя и потому нанялъ музыкантовъ: цимбалиста, гармониста и скрипача. Музыканты они были неважные, но за то усердные: весь вечеръ рѣзали, не переставая. За это публика ихъ любила и угощала. Къ концу перваго же мѣсяца музыканты спились съ кругу и все жалование отъ хозяина получали тоже напитками.

Иногда подвыпившіе посѣтители пускались въ плясъ, въ трактирѣ дѣлалось шумно и весело, и Михайлѣ не хотѣлось уходить домой, въ свою неуютную со смерти Марьи квартиру. Лизку же присматривала одна добрая сосѣдка, такъ что если Михайла приходилъ домой поздно, Лизка оставалась ночевать у этой сосѣдки.

Въ одинъ изъ такихъ веселыхъ вечеровъ Михайла вступилъ въ разговоръ съ одной бабенкой. У Михайлы шумѣло въ головѣ, а бабенка задорно плясала, — вотъ и произошелъ разговоръ.

— Веселая, однако, ты баба, — сказалъ ей Михайла, когда она, наплясавшись, подошла къ своему столику и жадно начала тянуть изъ кружки холодное пиво.

— А чего мнѣ не быть веселой? На себя зарабатываю, слава Богу, ни мужа, ни дѣтей, — вольная птица!

— Вдова, значить?

Женщина мотнула утвердительно головой.

— Не составите-ли компаніи? — галантно предложилъ ей Михайла.

Та не отказалась. Зашелъ разговоръ о дѣлахъ и жизни вообще. Михайла пожаловался на скуку; рассказалъ чуть ли не всю свою жизнь, и какіе у него

порядки въ квартирѣ, и какъ Лизка часто немытая и голодная ходить.

— Жениться тебѣ надо!—двусмысленно подмигнула ему женщина. За тебя еще хорошая дѣвушка пойдетъ.

— Дѣвушка?! Нѣтъ, братъ, Матрена (такъ звали бабенку), дѣвушка мнѣ не идетъ; мнѣ бы хозяйственную женщину.

— Сватай меня, я за тебя пойду!—игриво засмѣялась Матрена.

— Тебя? Ишь ты, быстрая какая!...

— А что, развѣ я тебѣ не нравлюсь? Кажись, не стара, съ лица не уродъ, работать могу... Тебѣ еще какихъ надо?

Всмотрѣлся въ нее Михайла ближе,—вѣрно,—баба, хоть куда. Ростомъ маловата, но крѣпкая, здоровая, лицо чистое, и еще было въ ней что-то такое, что понравилось пьяному Михайлѣ, задорливость какая то многообщающая...

— Благодарю за компанію!—сказалъ при прощаньи Михайла:—приведетъ ли Богъ еще свидѣться. Я здѣсь часто бываю...

— А я здѣсь же недалеко живу, заходи когданибудь. А то пойдемъ хоть сейчасъ, посмотришь, какъ живу я, горе мыкаю.

— Поздно,—слабо отговаривался Михайла.

— Такъ что-жъ, что поздно; я вѣдь одна душою, никого не разбудимъ.

— Да какъ-то того...

— Пойдемъ, не кочевряжься!—тянула его за руку Матрена.

И онъ пошелъ.

Утромъ на другой день можно было видѣть, какъ Михайла, стараясь быть незамѣченнымъ, проскочилъ на улицу изъ воротъ дома, гдѣ жила Матрена.

Съ этого дня Михайлу рѣдко видѣли въ трактирѣ, а еще рѣже дома. Лизка была окончательно имъ заброшена. Но какъ-то разъ Михайла, будучи дома, сказалъ ребенку:

— Ну, дочка, скоро будетъ мать у тебя; будетъ жалѣть тебя, досматривать...

А немного погодя и дѣйствительно Матрена явилась въ квартиру Михайлы уже женою.

— Вотъ, Лизка, и мама тебѣ!—весело сказалъ дочкѣ Михайла, подводя ее за руку къ Матренѣ. Что, хорошая мама?

— Нѣтъ, это не мама, это—тетя!...—задумчиво-грустно промолвила Лизка, всматриваясь въ Матрену.

— Ну, иди-же ко мнѣ!—протянула ей руки Матрена.

Но Лизка отрицательно покрутила головой.

— Иди, дура! — строго приказалъ Михайла.

Та заплакала, но пошла.

— Привыкнетъ!—протянулъ Михайла...

Съ этихъ поръ въ квартирѣ Михайлы какъ будто пошла прежняя жизнь. Полы были вымыты, стѣны были выбѣлены; Лизка ходила вымытая и вычесанная. Самъ Михайла въ Матрену былъ влюбленъ. Сядетъ это онъ за столъ обѣдать, выпьетъ рюмочку-другую; Лизка подлѣ сидитъ, а Матрена по комнатѣ суетится, широкими бедрами вздрагиваетъ. Не выдержитъ Михайла и притянетъ къ себѣ на колѣни подвернувшуюся Матрену, цѣлуетъ ее, къ себѣ прижимаетъ; и, она не такъ, какъ когда то Марья, — а жарко вопьетъ въ губы, тѣсно припадетъ къ груди.

— Что, смотришь, Лизка, какъ я маму цѣлую а?—довольнымъ голосомъ спроситъ онъ у дочки.— Это братъ, ха-а-рошая мама!..

— Ну, не щипайся, Михайла! взвизгнетъ при этомъ Матрена и какъ будто застыдится...

Послѣ года совмѣстной жизни, у Матрены ро-

дился одинъ ребенокъ; черезъ годъ—еще; затѣмъ еще. Дѣти „посыпались“, какъ говорятъ въ народѣ.

Дѣти рождались. Лизка подроостала. Матрена съ трудомъ управлялась съ немудрымъ хозяйствомъ, и на Лизку были возложены обязанности няньки. Цѣлыми днями теперь она, снова нечесанная, немытая, какъ и тотчасъ по смерти матери, возилась съ дѣтишками, одного таская на рукахъ, другого водя за руку. Изъ нея выработалась терпѣливая нянька: дѣтишки охотно тянулись къ ней съ рукъ матери. Тяжело приходилось теперь и Михайлѣ. Лѣтомъ онъ работалъ, не покладая рукъ, чтобы прокормиться съ семьею зиму. Росли дѣти, съ ними росли и расходы.

Надо было уменьшить количество ртовъ и лишній ротъ былъ вскорѣ найденъ. Ртомъ этимъ оказалась, конечно, Лизка.

— Машка уже большая дѣвочка, она мнѣ за дѣтишками смотрѣть будетъ, а Лизку можно къ хорошимъ людямъ отдать; чтонибудь заработаетъ; не все-же на отцовской шеѣ сидѣть!—заговорила Матрена.

— Оно-то такъ-то—такъ, да куда отдашь? Люди, знаешь, теперь какіе: того и гляди, обидятъ, а особенно—дѣвчонку!—отвѣчалъ Михайла.

-- Свѣтъ не безъ добрыхъ людей,—найдемъ. У меня здѣсь есть одинъ хорошій господинъ, старичокъ уже, такъ онъ Лизку, какъ дочь, жалѣть будетъ. Вотъ я, какънибудь, управившись, схожу къ нему, узнаю.

Она, дѣйствительно, вскорѣ пошла куда-то, долго отсутствовала и пришла, замѣтно выпивши.

— Вотъ и нашла. Завтра, сказалъ, привести къ нему...—рапортовала она недовольному Михайлѣ. Онъ подозрительно долго всматривался въ нее, но ничего не сказалъ.